

Отрадно, что ряд ученых и исследователей предпринимают попытки разработать законодательную базу обеспечивающую удачный симбиоз человеческой расы и созданий, управляемых искусственным разумом¹.

Более того, Председатель комитета Госдумы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству Сергей Жигарев рассчитывает, что Государственная Дума в ближайшее время может принять закон о развитии робототехники, в частности, о взаимодействии робота и человека².

Разработка и внедрение законодательства на опережение, в свою очередь, позволит защитить незыблемые права человека и обеспечить чувство защищенности в тех сферах, где труд человека-создателя технологий может быть заменен трудом его создания.

Макогон Борис Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

КОНСТИТУТИВНО ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ КЛАСТЕР МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Думается, правила, определяющие и устанавливающие пределы деятельности и процедуры в рамках юридического процесса, должны, прежде всего, регулироваться государством на уровне верховно-конститутивных и кодифицированных федеральных нормативных правовых актов.

Вместе с тем, полагаем, из системы объективно-юридических процессуально-правовых источников не следует исключать иные нормативные правовые акты, обладающие мощным ограничительным регулятивным ресурсом в рассматриваемой сфере. Ведь зачастую в целях конкретизации положений базовых актов, федеральных кодексов, обеспечения наиболее полной и корректной их реализации требуется принятие соответствующих федеральных законов, подзаконных правовых актов. К примеру, не случайно отнесение федеральным законодателем правовой регламентации отдельных отношений, возникающих между участниками уголовного процесса и судом, к предмету ведения Правительства Российской Федерации (речь идет, в частности, об установлении порядка и

¹ <https://www.dentons.com/ru/whats-different-about-dentons/connecting-you-to-talented-lawyers-around-the-globe/news/2016/december/dentons-develops-russias-first-ever-robotics-draft-law>

² <http://komitet2-7.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/13101731>

размеров возмещения различных процессуальных издержек, ч. 4 ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Таким образом, в правовой основе ограничительного процессуального регулирования публичных правоотношений появляются основания обособить компонент, оформленный как «конкретизирующий», что проиллюстрируем далее.

Так, в России к законам, определяющим порядок уголовного судопроизводства, относят наряду с Уголовно-процессуальным кодексом также Конституцию (так называемые «конституционно-определяющий» и «процессуально-кодифицированный компоненты»¹).

Применительно к данным процессуальным нормам также актуально говорить о процессуально-конкретизирующем срезе. К примеру, о Приказе Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 5 «Об установлении объема и пределов процессуальных полномочий руководителей следственных органов (следственных подразделений) системы Следственного комитета Российской Федерации».

Однако, основным и, по сути, единственным регулятором уголовно-процессуальных отношений в российском праве является Уголовно-процессуальный кодекс. Вместе с тем вопрос о роли и значении иных правовых актов в регулировании уголовно-процессуальных отношений до настоящего времени остается достаточно дискуссионным. Конечно, одной из наиболее сложных проблем в определении нормативного правового акта, имеющего приоритет при регулировании конкретного общественного отношения в сфере уголовного судопроизводства, остается проблема, связанная с разграничением предмета правового регулирования равных по юридической силе законодательных актов.

При этом подзаконная нормотворческая деятельность является важным фактором обеспечения полноты и определенности правового регулирования отношений, возникающих и в уголовно-процессуальной сфере. Необходимость применения абстрактной уголовно-процессуальной нормы для регулирования конкретного социального отношения с учетом специфики его субъектов и многообразия существующих между ними связей объективно требует принятия более определенных юридических предписаний, конкретизирующих и детализирующих нормы уголовно-процессуального закона, но связанных с ними рамками общего предмета регулирования. Предметом регулирования такого рода подзаконных нормативных актов, изданных в развитие положений Уголовно-

¹ См.: Макогон Б.В. Правовая основа механизма процессуального регулирования общественных отношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 61-63.

процессуального кодекса, могут являться, например, административные отношения, возникающие между участниками уголовного судопроизводства¹. Ими не только конкретизируются предписания, но и фактически устанавливаются особые правила производства процессуальных действий и принятия решений соответствующими субъектами. Более того, некоторые положения самого Уголовно-процессуального кодекса содержат отсылочные нормы, ориентирующие на применение подзаконных нормативных предписаний при регулировании порядка уголовного судопроизводства².

В данном аспекте исследования проблем правового регулирования уголовно-процессуальных отношений небезынтересным представляется соотношение норм ст. 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ, положений приказов Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 5 и Следственного департамента МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов».

Таким образом, посредством правотворческой конкретизации п. 8 ч. 1 ст. 39 Уголовно-процессуального кодекса уточняется полномочие руководителя следственного органа как субъекта уголовно-процессуального права применительно к определенному уровню должностных лиц органов предварительного следствия. Рассмотренный случай конкретизации как на уровне федерального закона, так и ведомственного нормативного правового акта, представляется вполне обоснованным и законным. Считаем, что общий процессуальный статус субъекта уголовно-процессуального права может быть изменен только специальными нормами Уголовно-процессуального кодекса. В противном случае, например, при ограничении процессуального статуса в ведомственном акте, существенно нарушается принцип, заложенный в ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса. Помимо этого, в нем не всегда последовательно и корректно регулируются вопросы конкретизации и детализации правовых требований. Так, ч. 5 ст. 39 УПК фактически предусматривает возможность ограничения уголовно-процессуальной правосубъектности руководителя следственного органа на ведомственном уровне: объем процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по субъектам Российской Федерации, по районам, городам, их заместителей устанавливается председателем Следственного комитета Российской Федерации.

Поступательно развивая вышеобозначенные положения, Следственный департамент МВД России издал Приказ «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов», поставивший объем процессуальных пол-

¹ См.: Красильников А.В. О некоторых проблемах нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальных отношений // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 19-21.

² См.: Красильников А.В. Указ. соч. – С. 19-21.

номочий отдельных категорий руководителей следственных органов в прямую зависимость от их должностного положения в рамках системы предварительного следствия МВД России и территориального расположения органа, возглавляемого ими.

Таким образом, изменяя объем процессуальных полномочий одного из ключевых участников уголовного судопроизводства, подзаконный нормативный правовой акт фактически устанавливает новые правила регулирования определенных уголовно-процессуальных отношений.

В данной связи мы солидаризируемся с А.В. Красильниковым и полагаем, что регулирование порядка уголовного судопроизводства, как и любое ограничение уголовно-процессуальной праводеееспособности субъекта уголовно-процессуального права посредством издания ведомственных нормативных правовых актов (приказов, указаний, инструкций и т.п.), существенно нарушает требования ст. 1 УПК и является недопустимым. В рассмотренном случае конкретизация юридических норм выходит за пределы предмета правового регулирования подзаконного акта. В результате нарушаются базовые принципы юридической техники, что, безусловно, не способствует совершенствованию российского законодательства, повышению качества нормативных актов и устранению дефектов системы права¹.

Действительно, рассматриваемый блок правовой основы процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений является наиболее объемным, сложным и динамичным.

Еще одной иллюстрацией этого служит комплекс нормативных правовых актов, регламентирующих в рассматриваемом нами контексте деятельность органов внутренних дел в целом и полиции, в частности, как типичных представителей субъектов публичной власти.

Современные органы внутренних дел представляют собой структурно обособленные звенья исполнительной ветви государственной власти, важную составную часть правоохранительной системы страны. Реализуя свою деятельность, органы внутренних дел обращаются к таким ее формам как: организационные мероприятия (организационно-массовая работа); материально-технические операции; нормотворческая деятельность; правоприменительная (регулятивная и правоохранительная) деятельность². Многообразие таких форм обуславливает широкую правовую базу, регламентирующую деятельность органов внутренних дел.

¹ См.: Красильников А.В. Указ. соч. – С. 19-21.

² Энциклопедия юриста. Органы внутренних дел // dic.academic.ru. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1466/%D0%9E%D0%A0%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%AB (дата обращения 25.10.2017 г.)

В обозначенной плоскости отметим знаковый нормативный правовой акт – Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Его принятие – логичный шаг законодателя после издания федеральных законов от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Если говорить о полиции, то ее деятельность в той или иной степени регулируется как многочисленными федеральными законами, так и указами Президента, постановлениями Правительства, различными ведомственными нормативными правовыми актами.

Обязательными для исполнения полицией также признаются некоторые ведомственные нормативные правовые акты. Это, прежде всего, инструкции: по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации; об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации и др.

Отметим, что деятельности полиции адресованы не только принимаемые Министерством внутренних дел Российской Федерации ведомственные нормативные правовые акты. В соответствии с нормой, закрепленной в ч. 2 ст. 30 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», по тем вопросам дознания, которые не требуют законодательного регулирования, для органов дознания обязательными признаются указания генерального прокурора Российской Федерации. И, хотя среди органов дознания полиция не называется, ее сотрудники являются одновременно сотрудниками органов внутренних дел, которые, законодатель в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ относит к органам дознания.

Кроме этого, учитывая, что полиция России относится к системе правоохранительных органов, элементами, составляющими правовую основу ее деятельности, могут быть признаны также законодательные акты, указы Президента, постановления Правительства, адресованные одновременно МВД России, ФСБ России, и определяющие для всех этих подсистем государственного аппарата конкретные меры и задачи в области борьбы с терроризмом, организованной преступностью, усиления охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В заключение отметим, что, являясь детерминированным на конституционно-определяющем и процессуально-кодифицированном уровнях, конкретизи-

рующий компонент правовой основы процессуально-ограничительного регулирования деятельности публичных властных субъектов видится нами как сложный и праксиологически важный кластер юридического фундамента процесса установления и укрепления пределов их деятельности.

Митякина Надежда Михайловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

РАЗМЫШЛЕНИЕ О КОЛЛЕКТИВНОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ОСНОВЫВАЯСЬ НА НАСЛЕДИИ Н.В. ВИТРУКА)

Изучение наследия Николая Васильевича Витрука в области правового положения личности выявило его универсальность, фундаментальность и значимость буквально для всех сфер правового регулирования (в том числе для интересующей меня эколого-правовой области) и натолкнуло на размышления об одном из интересных аспектов экологической безопасности.

Н.В. Витрук, рассуждая о видах правовых статусов личности по их социально-правовому назначению, отметил назревшую «потребность в разработке теории личной безопасности граждан, не сводимой к набору традиционных институтов (охране от незаконных задержаний и арестов, незаконным обыскам и т.д.)»¹. При этом ученый уточнил, что «личная безопасность в современных условиях может означать: экологическую безопасность (например, от радиации, различного рода излучений, шумов, вибрации, воздействия ядовитых веществ, избирательно действующих на человеческий организм); ...»². Конкретизация экологической безопасности через безопасность личную привело к идее рассмотрения экологической безопасности в аспекте двуединства ее сущности: индивидуальной и коллективной составляющей.

Анализу правового термина «экологическая безопасность» посвящено множество научных работ³. Но, как правило, в научной литературе при рассмотрении данного понятия четкой позиции по вопросу субъектного адресата

¹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: НОРМА, 2008. 448 с.

² Там же.

³ Боголюбов С.А., Хлуденева Н.И. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2009. 528 с.; Русин С.Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) // Экологическое право. 2010. № 5. С. 12 – 18; Вербицкий В.В. Национальная безопасность Российской Федерации в экологической сфере как категория // Экологическое право. 2013. № 4. С. 2 – 7 и др.